

всего возможностями их осуществить — политическими, экономическими, международными.

Особая сторона проблемы, которой до сих пор исследователи "советского человека" уделяли слишком мало внимания, — социальная *мифология*, без которой не обходится никакая общественная система*. В нынешних условиях в общественном мнении явно преобладает традиционный, консервативный и консервирующий набор представлений о "добром" властелине при скверных боярах, счастливом прошлом, коварных чужеземцах и собственной жертвенной судьбе.

* * *

В существующих условиях все три выделенные "оси координат человека" находятся в состоянии сложного кризиса, т.е. ломки и формирования механизмов дальнейшей деятельности в соответствующих направлениях.

Острота ситуации определяется тем, что энергия разрушения, высвобождения от старых ограничений практически полностью исчерпана за предыдущие годы, нерешенность принципиальных проблем общественного и государственного устройства, отсутствие его нормативно-правовых основ, ощущается людьми сильнее, чем когда-либо ранее. В этих условиях заметно возрастает роль "призраков" советского прошлого — не только как ностальгических фантомов или символов, но и как вполне реальных структур, традиций, нравов (продуктов "полураспада" разрушенной системы). Отсюда "реставрационные" надежды одних и опасения других. Для того чтобы оценить их обоснованность нужен, очевидно, обстоятельный анализ исходного состояния — положения человека в "традиционном" советском обществе (это особый предмет рассмотрения) в соотнесении с переломами и сдвигами последних лет. Пока же стоит лишь отметить, что наблюдаемые (и по-разному влияющие на общество и общественное мнение) "призраки" прошлого реальным реставрационным потенциалом не обладают. Это относится и к таким химерическим образованиям, как сочетание самовластия с рынком или агрессивная мобилизация под лозунгами конституционного порядка и т.п. Процессы разложения и распада социально-политических систем (особенно, если рассматривать их в "дальней", поколенческой перспективе) столь же необратимы как термодинамические. Но продукты такого распада (полураспада) в каждый момент, на каждом этапе значимы сами по себе, могут долго воздействовать на общественную атмосферу, на самоопределение человека.

Лев ГУДКОВ, Борис ДУБИН

Конец 90-х годов: затухание образов

Чем закончилось последнее десятилетие тысячелетия? События последних полутора лет (после начала второй чеченской войны) отметили конец почти десятилетнего постсоветского, или "ельцинского", периода в России. Начавшись с распада СССР, массовых митингов и демонстраций под лозунгами о необходимости преодоления тоталитаризма, с провозглашения политики реформ, эйфории, связанной с надеждами и ожиданиями скорого достижения такого материального состояния и образа жизни, которым отличаются "цивилизованные стра-

* См.: *Дубин Б.* Запад, граница, особый путь: Символика "другого" в политической мифологии современной России // Мониторинг общественного мнения... 2000. № 6. С. 25–34.

ны", это десятилетие закончилось славославием "великой России", программными заявлениями руководства страны о необходимости укрепления роли государства во всех сферах общественной жизни, все большим огосударствлением средств массовой коммуникации и жестким давлением на независимые медиа, массовым одобрением "решительных действий" правительства по наведению порядка в стране и борьбе с "олигархами". От неприятия большинством россиян применения войск в национальных конфликтах, от возмущения побоищами, устроенными десантниками в Тбилиси, Баку, Вильнюсе и Риге и резко ускорившими развал Союза, от широкого осуждения первой чеченской войны, подорвавшей авторитет Б.Ельцина, до массового же одобрения нынешней "контртеррористической акции" в Чечне, фактически утвердившего В.Путина на президентском посту, — такова была траектория движения российского общественного мнения.

Комментируя в 1989 г. аморфную симпатию многих респондентов к "Памяти", тогда всего лишь одному из множества "обществ по охране памятников старины", наблюдатели были еще склонны объяснять это слабым знакомством населения с другими сторонами этого движения, казалось им, не имевшими отношения к национальному прошлому и его возрождению (прежде всего с его ксенофобскими и антисемитскими взглядами). Но уже успех В.Жириновского, который на выборах 1993 г. разом выдвинулся из третьестепенных демократов в политические фигуры первого ряда, задним числом показал, что характерные для лицемерного советского официоза барьеры и запреты на публичное выражение шовинистических взглядов в обществе сломаны. Его приемы хорошо рассчитанного, театрализованного эпатажа, строившиеся на соединении русского национал-популизма, а то и нацизма, с советской, имперской, великодержавной демагогией, вначале находили отклик только на социальной периферии, в пролетаризированной среде, особенно в депрессивных малых городах, у низового чиновничества. Однако основные моменты этой риторики демонстративного освобождения от комплекса неполноценности и скрытого отказа от новых, демократических ориентиров ("мы великая страна, у нас героическое прошлое, нам нечего стыдиться, мы все еще достаточно сильны, чтобы заставить наших противников уважать себя, нам не надо оглядываться на Запад, у нас свой особый путь и пр.") за следующие пять-шесть лет были постепенно усвоены политическим руководством страны. Более того, приглушив самые скандальные обертонны, власть сделала эти идеи своей официальной позицией.

Словное подавление попыток коммунистического реванша в октябре 1993 г., грозившего стране гражданской войной, вызвало парадоксальную реакцию окружения Б.Ельцина. Напуганное своей победой (фактически победой одной части номенклатуры над другой, настроенной просоветски), оно "перенесло" этот страх и недовольство собой на все более раздражающую фигуру "другого" — превратило победу, которой не радовались и, главное, с которой не знали, что делать, в поражение прозападных "реформаторов". В еще большей степени эта закономерность "реакции победы" (или "реакции после победы") проявилась в результате электорального успеха Б.Ельцина на президентских выборах 1996 г. Здесь кратковременный, чисто тактический и технологический триумф обернулся быстрым падением авторитета президента, началом новой войны и досрочной отставкой Б.Ельцина.

Данные сотен опросов, проведенных ВЦИОМ во второй половине 90-х годов, как разрозненные элементы мозаики стали за последние месяцы складываться в общую картину. Каждое из явлений, которые перечисляются ниже, по отдельности неоднократно описывалось и анализиро-

валось авторами "Мониторинга", но в целом они начали собираться лишь в самое последнее время. Можно перечислить несколько основных тенденций, определяющих доминирующий тон общей картины:

1. Все более явное обеднение общественного пространства, последовательное устранение социального разнообразия, упрощение самих представлений о социальной жизни. Более всего эта тенденция заметна в политической сфере, но то же можно сказать и про любую другую область социальной жизни, включая СМИ или культуру. Процессы в этой сфере выражаются в первую очередь как своего рода "отрицательный отбор" лидеров (исчезновение ярких фигур, способных на самостоятельную и оригинальную позицию). В публичную политику пришли не программные лидеры с широкими горизонтами и серьезными целями, не волевые недюжинные организаторы, а внешне невыразительные теневые чиновники, исполнители, номенклатурные функционеры. Речь, понятно, не об их фото- или телегеничности, а о масштабах видения и понимания ситуации, о правилах публичного поведения и стоящей за этим внутренней адресации к обществу.

Ни М.Касьянов, ни А.Кудрин, ни кто-либо еще из нынешнего правительства не обладает качествами публичного политика, способного на выдвижение новой программы или решительные действия. Новый стиль этого правительства и даже администрации в целом — закрытые обсуждения и решения, дополненные эффектным популистским жестом и самодемонстрацией президента, которого к тому же согласованно и порознь играют "другие", в любой сколько-нибудь ответственной ситуации умело уходя в тень и уступая место "первому". Этой эпохе кулуаров соответствует и спад профессорской публицистики первых лет перестройки с ее социально-политическими прожектами, и исчезновение спроса даже на компромат, разоблачительство, острую критику, которой были заполнены газеты и ТВ еще несколько лет назад. Сегодня все — и власть, и публика к этому едва ли не равнодушны.

По сути дела, на нынешней авансцене отсутствуют какие бы то ни было независимые социальные силы, сообщества, группы, представляющие и отстаивающие свои интересы. Исчезли сколько-нибудь самостоятельные политики и вообще авторитетные в своей сфере или в стране фигуры, которые могли бы выдвигать серьезные идеи, отстаивать принципы, давать квалифицированную экспертизу происходящему. Сам уровень обсуждения общественно-политических проблем — в Государственной Думе, в средствах массовых коммуникаций, в клубных "круглых столах" и т.п. — резко обмелел. Можно сказать, что в стране среди населения идет процесс социальной массовизации по советскому образцу — усреднение политических взглядов, оценок, культурных и информационных запросов. В этом плане и декларативную религиозность 90-х годов — демонстрацию "мы как все", как будто бы не требующую от адептов никаких практических действий и не налагающую на них ни малейших обязательств — можно расценивать как конформистское состояние социально-психологической разгрузки и коллективной этической безответственности.

2. Исчезновение многопартийной системы*.

3. Усиление неотрадиционализма и изоляционизма как типов массовых ориентации, ставшее заметным начиная примерно с 1994-1995 гг. В статьях "Мониторинга" не раз обсуждалось сужение символического набора представлений россиян о коллективном прошлом вместе с ростом

* Подробнее об этом процессе и его результатах см.: Гудков Л., Дубин Б. Российские выборы: Время "серых" // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2000. № 2. С. 17-29.

значимости отдельных национальных символов (прежде всего Отечественной войны и выхода первыми в Космос в конце 50-х—начале 60-х годов). Важно подчеркнуть, что здесь перед нами не только защитно-компенсаторные комплексы "особого пути", но и явное стремление к консервации положения вещей "эпохи наших побед", отказ от действия сегодня, от активности изменений, стирание самого смысла реформ и перехода к другому типу общества.

4. Рутинизация негативности — появление и укрепление хронически негативного фона или горизонта происходящего (общее для большинства): сознание обиженности, обделенности, беззащитности, принудительности существования, неподконтрольности для рядового человека любых происходящих с ним событий, что порождает чувство своей подневольности, коллективной изнасилованности™, неуверенности в ближайшем будущем.

5. Наделение отрицательными значениями любых самостоятельных, самостоятельных фигур, инновативных акторов, равно как и сфер социальной жизни, которые связаны со значениями автономности, активизма, свободы, полноты, богатства, независимости и в которых действуют или где представлены эти акторы и фигуры. Если в конце 80-х годов это были лишь "кооператоры", "торгаши" и "спекулянты", то сегодня — это "новые русские", "олигархи", демократы, "Запад" как таковой. Речь при этом идет в равной степени как о дискредитации реформаторов и враждебности к агентам изменений, так и о росте разного рода фобий, нарастающем антизападничестве и антиамериканизме.

6. Усиление значимости структур негативной идентификации при заметном снижении любых идеалистических значений и ориентиров, критериев и мерок. В общественном сознании, публичном пространстве, в повседневной риторике массмедиа уже привычно преобладают представления о всеобщей продажности, безжалостности, нигилизме. Это ежедневное и публичное признание всеобщего беззакония, массовое понимание криминальной практики ("наездов", "разборок", "мочиловок" и пр.) как чего-то уже почти нормального сопровождается тем не менее столь же привычным расширением на публике знаков православия, парадами исконно русских этических начал, закликающими уверениями в собственной духовности и т.п.

7. Заметное сближение в ответах или даже стирание различий между оценками и реакциями образованных и необразованных респондентов, растерянность тех, кто претендовал на роль "элиты", принятие ими точек зрения менее образованных групп. Само по себе это обстоятельство можно рассматривать как выход на первый план самых рутинных и периферийных слоев общества. Речь идет не только об актуальных политических оценках, отвлеченных сферах или событиях общественной жизни, не связанных с повседневными проблемами, но и о гораздо более приземленных вещах — о снижении уровня обыденных референций, об установке на минимизацию запросов как форме пассивной адаптации к неприятным переменам, росте социальной зависти, исчезновении или ослаблении позитивных представлений, позволяющих человеку, семье, группе людей выстраивать долгосрочные перспективы существования.

8. Усиление разнообразных функций врагов для укрепления общественной солидарности, оправдание различных этнических фобий. Речь идет не только о защитно-компенсаторных, но и об идентификационных и мобилизационных функциях подобных негативных представлений.

Итоги описываемого периода по-разному оцениваются аналитиками. Например, Е.Гайдар, излагая новую стратегию правых, утверждает, что в России за это десятилетие

"произошла полномасштабная социальная революция... Радикально изменилась система политических институтов и экономических отношений, в обществе и внутри элит вскрылись глубокие разногласия по принципиальным вопросам государственного и общественного устройства, вспыхнула борьба за перераспределение собственности". Другие, прежде всего зарубежные наблюдатели, склонны считать вторую половину 90-х годов временем упущенных возможностей. Так, К. Райс полагает, что "...старая советская система развалилась, и некоторые основные факторы демократического развития уже сформировались... Но эти элементы не институционализированы..., а баланс власти до такой степени смещен в сторону президента, что тот зачастую управляет страной посредством указов. В то же время на указы Б. Ельцина мало кто обращал внимание, и российская государственная власть пребывала в состоянии бездействия и застоя... Экономика страны не становится рыночной, а трансформируется в нечто иное. Широкое распространение бартера, квазibanки, миллиарды рублей, припрятанные за границей или в домашних кубышках, причудливые схемы приватизации, обогатившие так называемых реформаторов, — все это придает российской экономике прямо-таки средневековый оттенок". Обстоятельства, сдерживающие развитие российского общества, не сводятся, по ее мнению, к экономике или политической системе, а к самому образу мышления. "Сдвиги же культурного характера, которые в конечном счете и создают условия для построения полноценного гражданского общества и рыночной экономики, могут растянуться на время целого поколения". Подчеркнем, что эти расхождения в оценках отличают именно сторонников либерализма в экономике и политике (точки зрения представителей коммунистов и близких к ним приводить здесь не имеет смысла — они воспроизводят самые рутинные массовые комплексы и представления о происходящем, к которым мы еще вернемся).

Разногласия в интерпретации вызваны расхождением не столько фактического плана, сколько ценностного и принципиального характера. Если К. Райс (сегодня уже занимающая пост помощника госсекретаря в администрации нового американского президента) оценивает происходящее с точки зрения "национальных интересов" американского общества, т.е. исходя из базовых либеральных ценностей, то Е. Гайдар рассматривает процессы в России в рамках экономического детерминизма, почти марксизма, пусть и сильно модернизированного. Такой подход, обеспечивая аналитика уверенностью и оптимизмом (понятными, если брать события в очень большой перспективе, например, начинать разбор с XVII в.), предполагает явную или скрытую идентификацию с "государственной идеологией" — приверженность к идеям великой и сильной державы, величие которой, однако, обеспечено рынком и демократическими свободами, а не репрессиями и насилием.

Зоной полной неопределенности при этом, правда, остается "политическая воля" высшей администрации, прежде всего президентов, которым нынешние российские либералы вынуждены тем или иным образом приписывать благие реформаторские планы, прежде всего честное и любящее "желание остаться в истории", поскольку другие мотивы действия ими всерьез не рассматриваются. "Либерализм" здесь получает исключительно инструментальное толкование как наиболее эффективная база экономики, стратегия достижения знакомых целей возрож-

дения "великой державы". Общий ход мысли укладывается в рамки "революции сверху", достижения тем или иным образом (в ходе выборов или кооптированного "участия в правительстве") фактической распорядительной власти и проведения соответствующей политики. Диковатое соединение экономического "либерализма" и "государственничества" не случайно, поскольку автор, равно как и его ближайшие последователи и сторонники, рассматривают положение в России исключительно в категориях выбора из различных готовых стратегий, предлагаемых теми или иными клубами "Transition researches". Суть подобных рецептурных стратегий сводится к тому, что цели политики заданы ("мировым опытом"), средства — давно известны и апробированы, нужна лишь государственная "власть" для реализации этих планов. А ради такой власти возможны различного рода компромиссы вплоть до сделки с чертом. Другими словами, без внимания оставляется социально-культурное своеобразие российского общества, характер его модернизации, инерция тоталитарных социально-политических структур и, наконец, самое важное — включенность в происходящее органов гражданского общества, заинтересованность в переменах самого населения.

Подобный подход, вменяющий пассивной массе лишь такие свойства, которые являются проективными, "превращенными" характеристиками самой власти, ее "запросами" к массе в отношении удобства или целесообразности задач управления сверху, но превращаются в "объективные" потребности развития страны, представляет собой нечто иное, как очередной вариант номенклатурной идеологии, направленной на укрепление или самообеспечение соответствующей модели власти. Дело не в благих намерениях кого-то из участников (мы их вполне допускаем, а в некоторых случаях даже не сомневаемся в них). Дело в "расширении" сферы допустимого компромисса с другими фракциями неконтролируемой обществом государственной власти ценой отказа от ряда значимых принципов и ценностей, от выражения позиций и интересов определенных (самодельных, инновативных, независимых от государства) групп в обществе, от защиты их прав и убеждений.

Удержание власти становится более важной задачей, чем программные моменты и партийные различия. И надо сказать, что именно эти обстоятельства острее всего схватывает общественное мнение (табл. 1). Согласно ответам

Таблица 1

Как изменилось в России за последние десять лет уважение к власти?
(в % от числа опрошенных в каждой группе, август 2000 г., N=1651 человек)

Социально-профессиональный статус и род занятий	Увеличилось	Уменьшилось
В среднем	11	83
Руководители высшего уровня	8	92
Руководители среднего звена	8	88
Специалисты с высшим образованием	9	84
Технические служащие	12	84
Квалифицированные рабочие	10	86
Учащиеся	10	87
Пенсионеры	9	80
Домохозяйки	14	80
Безработные	9	79
Предприниматели	8	80
ИТД	0	100

* Гайдар Е. Революция осталась в XX веке — реформы продолжают в XXI // Известия. 2001. 17 янв. С. 9.

** Райс К. Во имя национальных интересов // Pro et Contra. 2000. Т. 5. № 2. С. 115.

*** Там же. С. 116.

преобладающей части респондентов, российские политики, депутаты, люди на высших политических постах сегодня в основном озабочены лишь своими эгоистическими интересами, желанием любой ценой не потерять власть и т.п. Характерно, что по прошествии некоторого, весьма незначительного времени все ключевые моменты новейшей истории России — ГКЧП, события 1993 г. — начинают представлять в общественном мнении не как значимые точки в развитии страны, а как незначительные эпизоды борьбы за власть между разными кликами в руководстве.

В некотором отношении российское общество сегодня отстоит от целей десоветизации страны дальше, чем в начале 90-х годов, по крайней мере от тогдашних представлений и ожиданий.

Слабость и нерационализированность связей между государственно-институциональной и повседневной сферами социальной жизни. Всякое реальное изменение общества происходит тогда, когда перемены непосредственно захватывают повседневные массовые интересы, связанные с условиями воспроизводства существования (материального обеспечения, защищенности, благоприятных перспектив на будущее и т.п.), включая и поддержание идентичности, группового престижа, самоуважения. Масштабная трансформация общества становится действительностью, если с результатами идущих или только планируемых, намечаемых изменений связываются массовые интересы. В советское время автономность сферы, которая традиционно в социологии связывается с институтами гражданского общества — семьей, родственными связями, различными формальными и неформальными образованиями и объединениями, профессиональными, религиозными, локальными, этническими или досуговыми, спортивными или любыми другими ассоциациями — была подавлена, трансформирована или почти полностью подчинена государственному контролю и попечению. В результате никакой взаимной заинтересованности, контролирующей обратной связи между аморфным "населением" и властью ни тогда, ни сегодня не существовало и не существует, а значит, у людей нет и ответственности за происходящее (табл. 2).

Таблица 2

Чувствуете ли Вы свою личную ответственность за происходящее в стране, за решение проблем России?

(в % от числа опрошенных в каждой группе, август 2000 г., N=1574 человека)

1. Да, чувствую большую ответственность.
2. Да, чувствую некоторую ответственность.
3. Нет, большой ответственности не чувствую.
4. Нет, не чувствую никакой ответственности.
5. Затрудняюсь ответить.

Социально-профессиональный статус и род занятий	1	2	3	4	5
В среднем	8	26	25	37	4
Руководители	12	38	17	31	2
Специалисты	5	32	25	38	0
Служащие	6	33	26	32	3
Квалифицированные рабочие	9	27	24	36	4
Неквалифицированные рабочие	11	16	26	44	3
Учащиеся	5	26	46	21	2
Пенсионеры	10	21	21	42	6
Домохозяйки	0	23	30	41	6
Безработные	5	23	25	39	7

Движение России (как и Украины или других стран СНГ, возникших на пространстве СССР после его краха) заметно отличается от того, что можно наблюдать в Центральной и Восточной Европе или в Прибалтике, тоже имеющих отнюдь не безоблачное настоящее. И дело здесь в первую очередь даже не в имперской политической культуре России, хотя это чрезвычайно важное обстоятельство, а в том, что область значимых изменений в России ограничивалась лишь верхними этажами общественной жизни. Массы оставались безучастными зрителями происходящего, пассивно претерпевая тяготы социально-экономического кризиса и падение жизненного уровня. Несмотря на весь ропот и все жалобы населения, особенно в хронически депрессивных регионах или экономических зонах, где, как, например, в малых городах или на Севере, в районах Дальнего Востока и других местах свертывалось производство, росла скрытая безработица, отсутствовали возможности миграции, тем не менее население терпело, и напряжение нигде в России и никогда за все эти 7–8 лет не достигало взрывоопасных отметок. Массовая готовность самому принять участие в акциях протеста (скорее декларативная, чем прагматическая, ее показатели в среднем за годы наблюдений составляли примерно 23% от общего числа опрошенных) за все годы наблюдений, включая и ситуации резкого обострения социальной напряженности, была существенно ниже ожиданий подобных действий у населения в целом (55%; см. соответствующие графики в дайджесте "Основные тенденции" настоящего номера "Мониторинга". С. 5).

Антисоветски, антирусски и прозападно настроенные прогоэлиты в бывших социалистических странах, опираясь на некоторые еще сохранившиеся институты гражданского общества — церковь, полуформальные или даже неформальные образования, вроде независимых профсоюзов, литературных или студенческих объединений, этнокультурных ассоциаций, фольклорных ансамблей или движений "зеленых", включая и те структуры отношений, которые воспроизводились главным образом в семейно-родственной или в соседской среде, смогли чрезвычайно быстро реконструировать наиболее значимые формы досоветского гражданского общества. Стоит заметить, что в большинстве случаев лидеры подобных союзов и объединений получили примерно такое же образование, что и "интеллигенция" в СССР, прошли через такую же идеологическую обработку и школу социальной дрессуры, однако их ценностные ресурсы, система ориентации, характер идентификации, тоже включавшей элементы двойной морали, двойного самоопределения, в целом оказались совершенно иными.

Именно это позволило элитам этих обществ создать условия для рационализации происходящего в их странах и для решения множества возникавших проблем действительного перехода от одного общественного состояния к другому. Не считая того, что эти страны (Чехия, Венгрия, Польша, австрийская Словения и др.) гораздо раньше, уже в 10–20-х годах XX в., т.е. примерно одновременно со стольким и относительно немногочисленным населением крупных городов в России или близкими по уровню развития социальной инфраструктуры балтийскими районами со значительной частью нерусского населения, включились в процессы модернизации, важнейшую роль здесь сыграли два обстоятельства. Мы говорим, во-первых, о мощнейшем, по-настоящему массовом неприятии советской системы и, напротив, о высоко позитивных ценностных представлениях о Западе, большей открытости и информированности общества о европейской жизни уже к концу 60-х годов, о готовности использовать и фактически использованном в повседневной жизни предлагаемых западных образцов и опыта и, во-вторых, о процессах сис-

тематической рационализации и публичных дискуссиях по поводу происходящего, ставших важнейшим условием успеха реформаторских движений и процессов, основанием широкой консолидации и веры в новые цели общества, его новые ориентиры.

Будучи свободными от "бремени великой державы", эти страны делали упор на необходимость восстановления национального государства как института, обеспечивающего безопасность и благополучие прежде всего частных граждан, а значит, и на регенерации соответствующих структур и смысловых оснований коллективной жизни, самих условий солидарности гражданского общества, полноценного социального существования. Почти во всех случаях это сопровождалось ростом национального партикуляризма, ксенофобии (например, антицыганскими выступлениями, как в Чехии, или подъемом антисемитизма, как в Венгрии или в Польше), но, видимо, другого "клея" для укрепляющихся национальных форм нет. Третье, дополнительное, обстоятельство в этом ряду — сознательная политика декоммунизации, делавшая невозможной воспроизводство хоть в какой-то форме, пусть даже в персональном составе, элементов старой системы. Речь идет о люстрации и запрете для представителей прежней номенклатуры занимать значимые позиции в системе политических, юридических, общественных, информационных или образовательных институтов. Во многом эти меры напоминали по характеру политику денацификации, проводившуюся американской военной администрацией в послевоенной Германии и оказавшуюся в высшей степени успешной. Существенное отличие здесь, однако, в том, что речь на этот раз шла не о мероприятиях и политике оккупационных войск, а о внутреннем, автономном движении в странах бывшего советского блока или прежнего СССР, о самоорганизации победивших демократических элит, блокирующих таким образом возможности воспроизводства старой системы. Не только в Польше, Чехии, Венгрии, но и в балтийских странах имело место создание новых (хотя они и трактовались как реставрация существовавших до советской экспансии национальных) государственных форм по образцам западной демократии. В России же парламент представляет собой всего лишь модернизированный Верховный Совет советского образца (во всяком случае нынешняя Государственная Дума выростала из него, а не была создана заново; об этом свидетельствует, хотя бы то обстоятельство, что персональный и типологический состав этих институтов в значительной степени совпадают).

На наш взгляд, важнейшей задачей российских реформ как раз и должно быть восстановление связи институциональной системы (государственно-политических, экономических, правовых институтов) со сферой повседневности, негосударственной сферой частного, семейного, профессионально-группового, клубного и тому подобного партикулярного и неидеологизированного, не затронутого державной риторикой существования, как это имело место в странах Восточной и Центральной Европы после 1989 г. Как всякий процесс рационализации, рационализация подобных отношений предполагала бы разворачивание их смыслов под воздействием соответствующих групповых или корпоративных интересов, будь то "идеальных" (профессиональной графикации, роста уважения, авторитетности, чести, славы, престижа, расширения поля культурного — ценностного, идеологического, религиозного — влияния, укрепления позиций в социальном пространстве или повышение иерархического статуса и пр.), или материальных (достижения большей обеспеченности, удовлетворенности, прибыли и т.п.).

Однако ничего подобного не произошло. Не было ни осмысления и переоценки прошлого (соответственно и от-

каза от имперских, великодержавных ценностей и представлений), ни существенной рационализации настоящего, ни создания условий для формирования новой элиты. Более того, этого и не могло произойти по самой сути происходящего. поскольку, трезво рассуждая, политики реформ (как политики, последовательной и согласованной на годы программы действий) в стране не было даже в недолгий, девятимесячный период правительства Е.Гайдара. Были спорадические, вынужденные мероприятия высшей власти, мотивированные либо чрезвычайностью ситуации, либо борьбой различных фракций номенклатуры и закреплявшие то или иное состояние дел, которое на тот момент отвечало интересам соответствующей группы влияния. Прежняя институциональная структура под воздействием самых разнообразных факторов распалась, заставляя различных участников, часто вовсе не желавших этого и пытавшихся сопротивляться давлению обстоятельств, как В.Черномырдин в первые месяцы и даже годы после своего назначения, действовать в более или менее одном ключе или направлении. Коридор открытых возможностей для потенциальных претендентов на высшие посты в этом смысле был довольно узким*. Поэтому какова бы ни была логика аппаратных интриг, приводивших ту или иную группировку к власти (в правительство, администрацию президента или в парламент), политическое руководство оказывалось перед одним и тем же набором задач, требующих незамедлительного решения.

Все правительства (за некоторым исключением гайдаровского, либерализовавшего цены и запустившего процессы приватизации) за это десятилетие решали почти исключительно оперативно-технические задачи управления, исходя, разумеется, из своих собственных интересов сохранения у власти или из интересов выдвинувших их влиятельных групп и откладывая "на потом" никуда не исчезающие принципиальные вопросы, но не решаясь на серьезные шаги, не будучи заинтересованными в "политике реформ". Сегодня уже кажется как-то даже странным говорить об этом, поскольку несколько лет эйфории и риторики "новой демократической России" (в 1991-1993 гг.) вытеснили из общественного сознания саму перспективу подобной трансформации, заменив реальные дела словами, ярлыками, а затем уже и сами эти слова вышли из моды и стали казаться многим даже "неприличными". Программа трансформации тоталитарно-репрессивной государственной системы и милитаристски ориентированной планово-распределительной экономики в нечто более демократическое и рыночное, соответствующее той или иной из действующих в мире моделей "социального государства", забыта образованным слоем России. Но сами по себе соответствующие институты, правда, уже весьма децентрализованные, утратившие единство руководства, сохранились. Они действуют пусть и с постоянно снижающейся эффективностью, но отвечая своему функциональному предназначению. А это означает, что остались и все старые проблемы разгосударствления экономической и общественной жизни, приватизации жилищно-коммунального хозяйства (ЖКХ), демополиции и демилитаризации экономики, снижения налогов, сокращения и перепрофилирования армии, устранения репрессивного и охранительного (по отношению к исполнительной власти) характера судебной системы и прокуратуры и пр.

Слова "реформа", "демократизация", "цивилизация" потеряли свою определенность и конкретный смысл, оставшись лишь неясным ценностным вектором либерального

* Левада Ю. 1989–1998: Десятилетие вынужденных поворотов // Левада Ю.А. От мнений к пониманию: Социологические очерки 1993-2000. М., 2000. С. 158-174.

образа мысли, ориентиром общих изменений. С лета 1994 г. на вопрос "Следует ли продолжать реформы или их нужно прекратить?" — самая большая группа респондентов (от 40 до 46%, в среднем 42%) систематически выбирает позицию "затрудняюсь ответить", за продолжение "реформ" высказывались в среднем лишь 31% (см. также статью Л.Хахулиной в настоящем номере "Мониторинга").

Это означает, что высшая номенклатура (сравнительно узкий круг людей, обладающих полнотой реальной исполнительной власти — правом распоряжения ресурсами и кадровых назначений, а также непубличных групп, выдвигающих подобные фигуры чиновников на позиции данного уровня и контролирующих их, отбирающих их из второго и третьего составов персонально лояльных к "серым кардиналам", "олигархам", "семье", ближайшему окружению и т.п.) слабо зависит от других институциональных звеньев управления, а уж тем более от массовых групп населения. Подобная зависимость может носить сегодня характер разве что технического, инструментального ограничения действий, а не их содержательной обусловленности, не ценности и не целей.

Этой замкнутости на собственных, внутрикорпоративных целях фактически мало препятствовала деятельность образованного слоя (среднего звена бюрократии), который — допустим это чисто гипотетически, по аналогии с разворачиванием дел в других обществах — мог бы артикулировать массовые повседневные интересы и связать тем самым запросы и проблемы гражданского общества с политической сферой, рационализировать подобные отношения. Однако на практике это оказалось совершенно нереальным в силу двух обстоятельств: а) особенностей конституции и самосознания образованного общества в постсоветской России, представлявшего собой совокупность различных функциональных фракций бюрократии (технологической, управленческой, контролирующей, репродуктивной); б) культуры самого населения, самопонимания подданных российской державы, всей советской системы, которые на ситуацию напряжения отвечают исключительно снижением запросов, пассивной адаптацией к окружающему, негативной, снижающей идентификацией.

Корпоративные самоопределения, культурные основания самопонимания и функционирования "интеллигенции" представляют собой вырожденные формы чиновничьего "служения" государственному и "народному" целому. Они обосновывают героико-аскетический комплекс представлений о ценностях "великой державы", о необходимости защиты государственных интересов от различных угроз и опасностей извне и изнутри. Утрата смысловой определенности подобной угрозы оборачивалась в отдельных институциональных сегментах репродуктивных и символических структур — "творческих" группах, кружках — поисками собственной идентичности, аутентичности, стремлением к ценностной, а не пропагандистской, не декларативной, не официальной подлинности убеждений, этических принципов, верований, ориентиров. Оно осуществлялось как тематическое перебирание таких воображаемых экстремальных ситуаций, которые бы узаконили и подкрепили оправданность жесткого самоограничения, "походный" набор минимальных человеческих качеств в ситуациях экзистенциальной проверки, испытания, — короче, давали бы хоть какую-то содержательную квалификацию "человеческого материала". Все самое заметное и даже лучшее, что было в литературе, кино и искусстве советского времени, было связано именно с этими разработками (от романов К.Симонова и В.Некрасова, кино Г.Калатозова, Г.Чухрая до "лейтенантской прозы", повестей В.Быкова, фильмов раннего А.Тарковского, позже — А.Германа).

Не профессионализм, не деловая, предметная компетентность (отражение или профессионально-ролевое выражение соответствующих требований, ожиданий и запросов гражданского "общества" при необходимых условиях конкуренции и рыночного предложения), а "лояльность" является основной проблемой внутриинституциональных отношений и главным критерием человеческой оценки позднесоветской и постсоветской бюрократии, все равно о какой функциональной сфере ее деятельности идет речь (это может быть и наука, и юриспруденция, хозяйственное управление либо образование и культура). Важна здесь ориентированность на вышестоящие инстанции, власть, от которой исходит экономическая и социальная грастификация, материальное обеспечение, а не на структуры гражданского общества, сферу повседневности, соответствующие интересы и массовые представления. Поэтому так слабы внутрикорпоративные связи, этические или профессиональные нормы регуляции в науке, в правовой системе, в структурах образования, СМИ и других сферах, составляющих основу публичности, общественной рефлексии, межгрупповых коммуникаций у различных категорий образованных. Хотя они в значительной степени сегодня утратили свой прежний сверхцентрализованный характер, тип, конституция, форма организации этих институтов не изменилась. Она по-прежнему обусловлена способом задания целей их деятельности, социального обеспечения и контроля: тем, кто их финансирует, перед кем они ответственные, кто их внутренний или "настоящий" адресат. Эти связи и раньше, и теперь направлены сверху вниз, от начальства, а не по горизонтали, не от "общества". В результате у тех групп, которые, предположим, могли бы претендовать на статус или роль современных "элит", в случае необходимости не оказывается достаточных технических средств, ресурсов для рационализации проблематики перемен, для выдвижения политических целей и выработки соответствующих программ.

Поэтому смысл начавшихся (и практически тут же свернутых) изменений массовому человеку остался мало понятным. А это значит, что сами изменения получали толкование в соответствии с негативными антропологическими установками масс, с привычными нормами обыденной практики социальных отношений — "своих" и "чужих", начальства и подчиненных. Реконструируемые при этом мотивы "реформ" чаще всего выглядят так: начальство, испытывая какие-то сложности и собственные затруднения, причины которых нам неизвестны, в очередной раз хочет нас наколоть. Для значительной части населения "реформы" свелись к росту цен и, соответственно, обесцениванию сбережений, безработице, свертыванию прежней системы медицинского обслуживания, введению платности за услуги, которые ранее были как бы даровыми, к снижению эффективности различного рода служб, включая работу правоохранительных органов. То, что вместе с этим пришло товарное насыщение потребительского рынка, некоторое повышение жизненного уровня, расширение свободы действия, информации, передвижения, которые массы отчасти признают и даже высоко ценят, никак не связывается в их сознании с сутью самих реформ либо представляется несоразмерным с их "ценой". Ситуация усугубляется усилившимися процессами социальной мобильности (нисходящей для многих ранее обеспеченных и относительно прикормленных советской властью групп, таких, как различные категории работников ВПК, науки, обслуживающего персонала и др.; восходящей — для молодых и образованных, занятых в новых, ранее неизвестных или непрестижных сферах деятельности), а соответственно, растущей дифференциацией и острой социальной завистью, отчасти

нагнетаемой теряющими влияние группами. На вопрос "Как бы Вы оценили в настоящее время материальное положение Вашей семьи?", оценку "среднее" дают 43% опрошенных, "плохое и очень плохое" — 51%. Среди отвечавших на вопрос "Наладится ли наша жизнь в течение ближайшего года или никакого улучшения не произойдет?" 59% не ждут никакого улучшения, хотя за последний год число надеющихся на лучшее, до того почти не менявшееся на протяжении пяти лет, увеличилось с 16 до 28%. За восемь лет (с 1994 по 2001 г.), несмотря на все разговоры о взрывах массового недовольства, 57% опрошенных даже чисто гипотетически считали участие в каких-либо акциях протеста против снижения уровня жизни, роста цен для себя невозможным.

Дегенерация публичной и политической сцены. То исчезновение политических партий и самостоятельных, ответственных перед обществом политиков, о котором шла речь выше, есть свидетельство институциональной невозможности артикулировать групповые интересы и представления, отсутствия в публичной сфере структур и форм подобной артикуляции. В качестве подобных механизмов можно было бы рассматривать депутатов или СМИ, а также клубы, специальную прессу и литературу, где в ходе публичных дискуссий, выступлений "public intellectuals" тематизировались и упорядочивались те или иные общественно значимые проблемы. Однако в большинстве своем ни СМИ, ни депутаты не воспринимают себя в такой роли, да и необходимых ресурсов или потребной компетенции у них нет. Депутаты фактически играют роль лоббистов заинтересованных корпораций отраслевого или регионального плана, а массмедиа опосредуют кулуарные интриги различных групп влияния. Отсюда — заметное падение интереса россиян к печатным медиа, обладающим в принципе наибольшими возможностями социальной рефлексии и критики, и рост популярности аудиовизуальных коммуникаций, воспроизводящих прежде всего ритуалы публичного присутствия власти и символической интеграции населения, а не обеспечивающих информацию и ее анализ в интересах гражданских структур общества.

84% опрошенных (декабрь 2000 г., N=1600 человек) полагают, что не имеют возможности контролировать или как-то влиять на решения, принимаемые властью ("имеют такую возможность" лишь около 10%). Причем чем выше

Таблица 4

Как изменились в России за последние десять лет жизненные позиции людей?

(в % от числа опрошенных, приводится сумма ответов "существенно усилилось" и "несколько усилилось", а также "несколько ослабло" и "существенно ослабло", без ответивших "осталось таким же" и затруднившихся с ответом; август 2000 г., N=1651 человек)

Позиция	Ослабли	Усилились
Уважение к закону	90	5
Уважение кокружающим	86	6
Прочность брака	84	5
Трудовая мораль	76	13
Личная ответственность	76	12
Гражданское участие	75	10
Забота об обездоленных	68	17
Терпимость к людям, которые отличаются от других	53	26
Вера в Бога, религиозность	14	70

образование, компетентность, доход, уровень запросов, тем сильнее ощущение отчужденности от власти (у высокообразованных и высокодоходных групп, руководителей, специалистов соответствующий показатель составляет 93%). 55% опрошенных полагают, что люди стоящие у власти, озабочены только своим материальным и карьерным благополучием (10% уверены, что нынешнее правительство — "хорошая команда, ведущая страну правильным курсом", 23% — что это "честные, но слабые или некомпетентные люди").

Дистанцированность от руководства страны и негативизм в отношении к нему выше, на краях социального поля — у самых бедных и наиболее обеспеченных. Такое отношение обусловлено двумя причинами, с одной стороны, критическим отношением наиболее информированных групп, с другой — неудовлетворенными государственно-патерналистскими ожиданиями самых низкостатусных и бедных ресурсами.

Как видим, условное доверие россияне сохраняют прежде всего к наиболее простым в социальном плане и даже архаическим по своей структуре и традиционной

Таблица 5

Доверие социально-политическим институтам

(в % от числа опрошенных, "Мониторинг", 2000 г., N=2400 человек)

Социально-политический институт	Март				Сентябрь			
	Полное доверие	Частичное	Полное недоверие	Доверие/недоверие	Полное доверие	Частичное	Полное недоверие	Доверие/недоверие
Президент	48	29	9	5,3	45	33	9	5,0
Армия	48	26	10	4,8	35	35	16	2,2
Церковь	38	23	12	3,2	39	22	11	3,5
СМИ	20	47	19	1,1	26	44	18	1,4
Правительство	20	43	18	1,1	20	43	19	1,0
ФСБ	24	35	18	1,3	21	36	22	0,9
Парламент	13	42	18	0,7	10	43	30	0,3
Региональные власти	18	36	27	0,7	20	36	28	0,7
Местные власти	18	39	30	0,6	19	37	30	0,6
Суд, прокуратура*	14	13	38	0,4	12	36	29	0,4
Милиция	—	—	—	—	14	39	36	0,4
Профсоюзы	10	27	31	0,3	11	28	29	0,4
Политические партии	7	33	31	0,2	7	31	34	0,2

* Вместе с отношением к милиции, в сентябре они разделены.

символике институтам, которые настроены антизападно и меньше всего связаны с современными процессами и ценностями (табл. 5). Это армия, авторитарная по своему устройству, сохранившая многие советские черты, формы отношений, представления о человеке, в меньшей степени — госбезопасность, а также Русская Православная Церковь (РПЦ) как квазиморальный носитель высших идеалов, но фактически как ценностный суррогат этнической общности "всех русских в качестве православных". Напротив, те установления, которые должны обеспечивать функционирование гражданского общества — суд, прокуратура, милиция, профсоюзы и т.п. — находятся в зоне общественного недоверия и недообращения.

На этом фоне можно сказать, что гипертрофированное доверие масс к нынешнему президенту — это перевернутое массовое недоверие к остальным общественным структурам, инстанциям и публичным фигурам. Оно — при отсутствии у этого крупнейшего по статусу политика не только позитивной, содержательной программы, но и просто сколько-нибудь выраженных ценностей и идей, кроме официальной риторики, и групповых, командных опор, кроме кулуарных и закулисных — создано исключительно из негатива, по принципу отрицания нежелательного и неподвластного людям, по контрасту с мутной аморфностью общественной жизни, балаганом в политике и кровавой бессмыслицей в Чечне. Из языка власти, а затем и социальной элиты, к нынешнему дню полностью ушла лексика социальных перемен, слова о нормальном (по западным образцам) обществе, о вхождении в мировое сообщество. Сегодня нет ни одной различимой и авторитетной группы, которые определяли бы себя подобными словами, а главное, — связывали бы свою судьбу с соответствующими процессами.

Логика мобилизационных кампаний. Механизмы массовой мобилизации в России, по существу выполняющей лишь консервативные функции — удержать от распада разлагающуюся социально-политическую систему советского типа, актуализируются лишь в определенных ситуациях. Для этого необходимо наличие нескольких условий. Во-первых, нарастающая дифференциация системы, в результате которой властная верхушка начинает терять контроль за происходящим. Во-вторых, процессы упорядоченных изменений заблокированы интересами отдельных, но влиятельных групп или политической клиентелы. В-третьих, имеет место фактическая деградация профессиональной интеллектуальной элиты, не сумевшей быть кем-то еще, кроме как обслуживающей режим бюрократией.

Программный тупик, отсутствие в стране позитивных идей и целей реального социального изменения вынуждает власть к провоцированию все новых и новых витков экстренной мобилизации за счет необходимости борьбы с консерваторами, то угрозы раскола и гражданской войны в обществе, то просто страха и подпитываемой им ксенофобии. С конца 80-х годов мы могли наблюдать несколько волн мобилизации и роста общественной солидарности. Это и перестроечная волна демократизации, и мелкие волны национал-популизма после начала гайдаровских реформ, и, наконец, массовое по характеру и враждебное по смыслу единодушие в связи со второй чеченской войной, которой предшествовали первые после распада СССР негативные движения — антинатовская и антиамериканская истерия в связи с косовскими событиями. Каждый раз эти процессы предполагали персональную поддержку нового лидера нации в противопоставлении его старому, дискредитированному (характерное раздвоение и разнесение по разным фигурам позитивных и негативных слоев или уровней массовых самоопределе-

ний) — М.Горбачев против старой номенклатуры, Е.Лигачева и секретарей ЦК, Б.Ельцин против М.Горбачева, В.Жириновский (новый тип протестного вульгарного национал-популизма) против демократов и реформаторов, против коммунистов и Запада, далее — возникали кандидаты в новые лидеры — А.Руцкой, А.Лебедь, Б.Немцов, С.Кириенко, Е.Примаков и, наконец, В.Путин.

Результатом мобилизационного подъема каждый раз становится не появление новых организационно-институциональных форм, а складывание своеобразной дезориентированной массы, консолидируемой лишь псевдохаризматическим лидером, который, по существу, эксплуатирует ностальгию по прошлому и не в состоянии задать новых ориентиров и программ развития. Потребность в таких лидерах очень велика, однако она свидетельствует о медленном, но неотвратимом разложении системы, лишь ускоряющемся в **послемобилизационный период**.

Структура мобилизации во всех случаях примерно одна и та же. Она предполагает двухтактный ход:

1) демонстрация экстренности и чрезвычайности ситуации, требующей экстраординарных мер, особых людей, порядков и решений, апроприации всех имеющихся ресурсов;

2) навязывание безальтернативного определения ситуации ("нет других вариантов") и устранение иных возможностей поведения в проблемной ситуации, а соответственно, и устранение неподходящих, с точки зрения властей, агентов действия;

3) прямая апелляция к группам и слоям населения, имеющим очень ограниченные культурные и информационные ресурсы, но зато выступающим в качестве носителей рутинных символов и смысловых ресурсов предшествующих периодов, сохранивших потенциал державного и советского патриотизма, традиционализма и нерассуждающего подчинения, к контингентам, в социальном плане периферийным;

4) начальная опора на чисто исполнительские группы и организации, обеспечивающие на первой фазе мобилизации заметный тактический успех, но затем теряющиеся и не способные решать проблемы системного порядка;

5) временное устранение или нейтрализация "болота", оттеснение его в резерв рутинного и пассивного повиновения, брюзжания, полуприкрытого недовольства.

Иначе говоря, любая волна мобилизации государственной поддержки начинается с актуализации отработанных старых символов, нагнетания угрозы общественному существованию и призыва к более молодым и активным слоям и группам, которые, собственно, и обеспечивают первичный рост общественной поддержки (апелляция к молодежи составляла один из первоначальных ресурсов и горбачевской перестройки, и последних ельцинских выборов, и электоральной кампании В.Путина). Затем к ним постепенно начинают — часто помимо воли, из чисто конформистских побуждений и интересов — присоединяться люди зрелых возрастов. Наконец, волна спадает с того момента, когда от общего движения начинают отделяться, отпадать наиболее слабые и бедные сторонники, не могущие дальше существовать в ситуации требуемых лишений и жертв.

Во всех случаях имеют место следующие обстоятельства: 1) выдвигается, а чаще назначается номенклатурный или ведомственный лидер, апроприрующий все необходимые ресурсы власти; 2) происходит соединение средних и среднедовольных, сравнительно позитивно настроенных групп с наиболее периферийными и депримируемыми слоями, в этих условиях крайней угрозы не желающими лишиться последнего. Иначе говоря, происходит соединение консерватизма и относительно новых ориентации, тактически разряжающее очередную угрозу системе, ее стабильности.

Доверие к ведущим российским политикам
Назовите 5-6 политических деятелей России, которые вызывают у Вас наибольшее доверие
(в % от числа опрошенных, "Мониторинг", N=2400 человек)

Политический деятель	2000 г.						2001 г.
	Январь	Март	Май	Июль	Сентябрь	Ноябрь	Январь
В.Путин	49	45	45	39	34	32	39
Г.Зюганов	17	21	17	15	14	15	14
С.Шойгу	13	8	5	5	5	4	6
М.Касьянов*	—	—	9	8	7	7	9
Е.Примаков	21	10	9	8	6	4	5
Г.Явлинский	11	16	8	7	5	7	5
С.Кириенко	11	7	4	4	2	4	3
Ю.Лужков	9	4	4	4	3	3	2
В.Жириновский	8	7	3	6	4	4	5
А.Тулеев	3	8	6	5	4	3	4
Г.Селезнев	6	3	4	4	3	3	3
Б.Немцов	4	3	2	3	3	4	3
А.Лебедь	4	2	2	1	1	1	1
И.Хакамада	5	4	3	3	2	2	2
Е.Строев	0	0	0	1	0	1	1

* Включен в списки "доверия" с мая 2000 г.

Данные систематических опросов позволяют зафиксировать определенную логику процессов относительного упрощения социального пространства и, соответственно, массовых представлений. Ее энергетикой можно считать существующие напряжения в общественном сознании, вызванные разрывом между институциональными структурами и сферами микросоциальности, повседневности, частного существования, разнонаправленностью этих силовых полей. У властных государственных (и государственно-экономических) корпораций, с одной стороны, и частных субъектов — с другой, при этом, понятно, разные и цели, и характер смыслового обоснования действий. Первые лучше организованы, упорядочены, рационализированы и рассматривают аморфную сферу повседневности, частной жизни как собственный ресурс. Напротив, субъекты частной жизни вынуждены расценивать институциональные нормы как внешние рамки своего поведения, примеряясь к ним, иногда используя в своих нуждах, но не контролируя их.

Основной проблемой социальных изменений, системных и последовательных реформ, не разрешенной и, как представляется, не разрешимой в рамках данной, распадающейся системы, которая по своим основным, осевым параметрам остается советской, является проблема институциональных рамок социального порядка. Речь идет об отсутствии сегодня общих точек согласования интересов различных партнеров, обобщенных социальных других, ориентация на которых и нормы взаимодействия с которыми могли бы конституировать другую массовую идентичность, построенную, в отличие от нынешней, не на негативности, пассивной адаптации, без снижения уровня запросов, без отказа от ориентации на подъем и успех.

Антимобилизационным потенциалом (пределом экстраординарной и тотальной солидарности) в нынешнем российском обществе как раз и становится минимум запросов и требований к выживанию, порог пассивной адаптации. После его "достижения" начинается аморфное антимобилизационное сопротивление. Его агентами выступают самые периферийные группы, к которым постепенно подтягиваются более образованные и активные контингента, имеющие уже другие культурные и социальные ре-

сурсы. Поэтому чем дальше, тем сильнее проявляется связь между механизмами персонификации политики — волнообразными процессами выдвижения на первый план считанных политических лидеров (табл. 6) — и обеднением, исчезновением структурированности общественного поля, негативным массовым восприятием самой институциональной системы, усилением недоверия людей к структурам, которые должны были бы упорядочивать социальную жизнь, гарантировать соблюдение норм массового взаимодействия. А чем выше уровень недоверия к этим организациям и институтам, тем сильнее становится декларативное выражение консервативных и ностальгических сантиментов.

Позиция "никто не вызывает доверия", "нет таких" привлекла свыше 25% опрошенных, среднее значение на протяжении последних четырех лет — 28%. Это наиболее частый вариант ответа на данный вопрос после президентских выборов 1996 г. Единственное отклонение в этом ряду — популярность Е.Примакова, начавшаяся после кризисной осенью 1998 г. Ее быстрый рост и последующая траектория медленного снижения предвосхищали "феномен Путина". Пик за недолгий допутинский период пришелся на январь-март 1999 г. В эти месяцы его рейтинг на 2-3% превышал позицию "никому" (см. графики № 7 на с. 4 настоящего номера).

Черты современного политического ландшафта. Если в конце 80-х—начале 90-х годов большинство (до 45%) считало крайне опасным предоставление всей полноты власти президенту или генеральному секретарю, то сегодня свыше 60% опрошенных считают, что "проблемы, стоящие перед Россией, можно решить только путем сосредоточения власти в одних руках" (июль 2000 г., "Экспресс", N=1600 человек).

Подобной трансформации политического пространства все в большей степени начинает соответствовать и "новое" общераспространенное представление об обществе как чисто электоральной массе населения — лишенном собственных интересов, сил самоорганизации и составляющем всего лишь потенциал поддержки высшего руководства, чисто пластичном материале, из которого можно со-

здавать любые требуемые начальству композиции. Дополняет такое представление и очередная демонизируемая фигура "пиаровца" — специалиста, обладающего каким-то таинственным технологическим знанием, якобы неконтролируемыми никем посторонним навыками манипулирования общественным мнением, но использующего его не для себя, а для целей политика-демагога, распорядителя властных и финансовых ресурсов. Политическая и, шире, общественная ситуация стала таковой, что проблемы ценностей, целей, альтернативных программ развития сменились рабочими вопросами удержания, власти в собственных руках, задачами политтехнологии, обеспечивающей руководству (независимо от того, каково оно) нужную реакцию, максимальную и эффективную поддержку. Дело даже не столько в реальной эффективности всячески, в том числе и таким образом, рекламирующих, подающих себя сотрудников многочисленных центров политических технологий, консалтинга и имиджмейкеров (результативность их, как можно полагать, не столь уж велика), сколько в том, что подобная мифологизация политической сцены принимается обществом, становится — наряду с прочими мифами, вроде антиросийского заговора западных стран и спецслужб и т.п., — элементом массовой самоидентификации.

Появление такого рода фигур интерпретации означает, что в общественном мнении сложились механизмы редукции сложности, примитивизации политических представлений, обеспечивающие известную устойчивость массовых реакций. Их работа заключается, с одной стороны, в обеспечении переноса неприятных и негативных впечатлений и мнений с первого лица на фигуры второго ряда, а с другой — разгрузка руководителя от ответственности, своего рода иммунизация его авторитетного статуса. Действует известный по восточным деспотиям принцип султана и главного визиря, которому в случае бунта рубят голову, оставляя первого на недостижимой высоте положения.

В.Путин занимает высший ранг в любых диагностических вопросах ВЦИОМ, касающихся доверия политикам, институтам, "людям года". Рядом с ним население России никого не видит. На высокий уровень его авторитета не влияют оценки тех или иных практических результатов его политики, которая по основному набору критериев (достижения во внутренней социальной политике, экономика, борьба с преступностью, война в Чечне и т.п.) большинством населения признана сегодня неэффективной и малоудачной.

Это означает, что отношение к В.Путину определено двумя планами. Первый — точка зрения здравого смысла, план критериев, связанных с актуальными и будничными проблемами существования. Самая большая доля ответов респондентов на вопрос, как вы относитесь к В.Путину, — "не могу сказать о нем ничего плохого" (однозначно положительных ответов сравнительно немного). В такой, до известной степени неэмоциональной, реакции можно видеть отражение реального, трезвого, отчужденного отношения к государству как к чему-то такому, что не вызывает особых и прежде всего отрицательных эмоций ("главное — чтоб меня не доставали", или в более литературной форме — "минуй нас пуще всех печалей и барский гнев, и барская любовь"). Это оптимальное приспособление к неприятному, но без надежд на лучшее, даже на исполнение обещанного или официально продекларированного.

Другой план — ценностный, эмоциональный и непрагматический. Здесь статус и роль В.Путина получают символический репрезентативный характер персонифицированного лидера нации, воплощения главных ценностных представлений о стране — решительного, твердого державника, не связанного с коррупцией "чекиста", хотя

последнее и не так уж безусловно (единственное, что вызывает некоторые сомнения у части населения, это связь с ельцинской "семьей"), фигуры, понятной по своим заявлениям о сути и характере государственной политики, по проявлениям собственной власти, в этом смысле — "своей". На подкрепление такой символической роли работают и некоторые случайно совпавшие с его появлением обстоятельства: последствия от повышения пенсий и выплат задолженности по зарплате, которые связываются в сознании наиболее зависимых от государства групп именно с персоной В.Путина.

Таким образом, более внимательный социологический анализ той социальной материи, из которой состоит феномен высокого рейтинга, массового доверия президенту, показывает, что его популярность, не связанная ни с какой-то определенной политической программой, ни с реальными результатами его действий, внутренне лишена позитивности, определенности, устойчивости, которая только и может быть придана связью с длительными, а значит, повседневными массовыми интересами, укорененными в проблемах воспроизводства общества или ведущих его групп. Здесь перед нами другой случай: подобная поддержка выстроена от противного — от неприятия В.Ельцина, безнадёжности в отношении руководства страной и чехарды сменившихся за десять лет правительств, при которых мало что изменилось, от непонятной вязкости, заболочивания политической жизни, все больше и больше удаляющейся от повседневных проблем обычных людей и занятой корыстной грызней депутатских или региональных клик и клиентельных группировок, от утраты веры в возможность существенного поворота к лучшей жизни, под которой понимается не только более обеспеченная, но и более достойная, вызывающая уважение к себе прежде всего тем, что это улучшение связано с реальной работой, подъемом производства, оживлением в экономике. Сегодня этой нормальной системы гратификации, этого чувства своей социальной реализованности и значимости, полноты, самоуважения, растущего достоинства у людей нет. Медленно накапливавшиеся в массе эмоции унижения от своей беспомощности и зависимости, бесперспективности взорвались злобой и местью, когда наконец определился явный "враг" — чеченские боевики и террористы.

Поэтому, в строгом смысле, авторитет президента создан из пустоты "отрицательных" желаний, точнее, нежеланий. Соответственно, на этот авторитет не оказывает никакого воздействия то необходимое силовое поле массовых стремлений, интересов, которое заставляет политиков проводить определенную программную линию и от которых зависит положение и будущее их самих. Будучи вне этого воздействия, власть может быть занята лишь сама собой, т.е. внутренними интригами и склоками, пусть даже это называется "укреплением государственной вертикали". Лучшим примером этого может служить война президента с губернаторами, всевластие и произвол которых на местах пытается ослабить и ограничить президентская администрация. (Эта кампания не могла быть начата без развязывания второй чеченской войны.) Однако в действительности у правительства, или в более общем плане, у команды В.Путина нет никаких рычагов и инструментов подобного контроля, особенно в бывших национальных регионах. По всем недавним данным ВЦИОМ, население в губерниях гораздо выше оценивает своего губернатора, чем федеральное правительство или президентского полномочного представителя. Поэтому, по существу, изменения в этом плане — вывод самих "региональных баронов" и назначение в Совет Федераций РФ людей маловлиятельных, представителей губернаторов, скорее повлекут за собой нарушение баланса и разделе-

ния властей, резкое ослабление высших законодательных органов федеральной власти, прежде всего в данном случае — Совета Федерации РФ (Государственная Дума и так уже практически полностью подконтрольна администрации В.Путина), а вовсе не декларируемое укрепление "государственной вертикали".

Центральная исполнительная власть не в состоянии что-либо сделать в регионах как таковых. Опыт с Е.Наздратенко показывает, насколько трудно добиться реального сдвига даже в кризисных районах, зонах "стихийного" бедствия, не говоря уж об относительно благополучных губерниях и республиках. Всякие попытки такого рода приводят лишь к усилению парцелляции федеративного целого, поскольку под вопросом оказываются чисто партикулярные проблемы власти, а не универсальные нормы конституции общества. То же самое можно сказать и о несостоявшихся реформах в судебной и правовой, военной или образовательной сферах.

Рутинизация негативности. Персонификация политики, когда действующими силами и фигурами выступают не группы и институты, а лица, обладающие фиксированными позициями в иерархии власти, сопровождается (в публичном языке политиков, в массмедиа, в риторике массовых представлений) разделением мира по принципу "мы—они", позволяющим подставлять любые значения в каждый из этих элементов двучлена или по необходимости менять оппозицию, сохраняя тождество то в одном, то в другом плане. Важно, что отчужденное "они" может включать и врагов, и предателей, и начальство, и Запад, короче, все, что не "мы".

Подобные упрощения облегчают для массового сознания психологическую разгрузку, снимают с актора напряжения, вызванные расхождением его запросов и их реализации, равно как и вытесняют амбивалентность отношения к власти, конституирующую двойное сознание советского человека. Иначе говоря, подобный механизм двойного определения блокирует возможности рационализации оценок действия значимого персонажа, применения универсальных стандартов для него, в том числе — и для В.Путина, перенося "вину" за его неуспехи на "правительство" (чью деятельность не одобряют 46%), "генералов", чиновников-исполнителей и прочих козлов отпущения. Другой пример двойного стандарта — разделение оценок происходящего применительно к "себе" и к "стране", о котором многократно писалось в "Мониторинге".

Начало процессу подобных разгрузок и упрощений было, впрочем, положено еще первым российским президентом, который постепенно разрывал связи с немногочисленными, но наиболее квалифицированными группами образованного слоя. Их интересы бралась представлять наиболее молодая и прозападно ориентированная часть тогдашней номенклатуры начиная с Е.Гайдара и его команды. Причем под воздействием и даже в известной степени подавлением демократически-ориентированного, более квалифицированного контингента образованных россиян и эта реформаторская часть молодой номенклатуры, и (теперь уже под ее воздействием) определенные круги высшего руководства едва ли не впервые в советской истории после начала 20-х годов так или иначе сформулировали некоторые, основные ценности и цели социальных перемен, ориентиры ближайшего и дальнего движения. Складывалось представление, что политика, экономика, социальная жизнь могут стать относительно открытыми, понятными, обсуждаемыми, привычный разрыв между "высшей политикой" и "реальной жизнью", отчуждение от власти, казалось, могут быть сокращены или даже устранены. Политика, пусть чаще на митинговых площадях и экранах телевизоров, пусть на

самое короткое время, становилась все-таки "общим делом". Эффект этих, даже "чисто словесных" сдвигов был чрезвычайно осязаем, поддержан обществом, мог стать еще значительней и действенней. Но новые кандидаты того времени в публичные лидеры — А.Шохин, С.Станкевич, Ю.Болдырев, все другие "конкурентные" силы и фигуры — были постепенно удалены из области общественного внимания.

Их место заняли старые "хозяйственники" — лоббисты и представители важнейших отраслей, получившие значительную автономию. Они стали могущественными сырьевыми экспортерами, главами государственных или полугосударственных монополий, от которых зависит функционирование других отраслей и сфер жизни. Вместе с тем во власть вошли группы влияния, обеспечивающие самосохранение властного центра власти и связанные с соответствующими ведомствами и институтами (А.Коржаков, М.Барсуков, С.Степашин, В.Ерин, А.Куликов и др.). В любом случае это были не публичные политики. Третьей категорией "новопризванных" можно считать новую генерацию чиновников, появившуюся из недавно возникших структур — расплывающейся администрации президента и его управления делами, а также из ФСБ или армии.

Так постепенно сложился круг допущенных, назначенных и узаконенных высшей властью распорядителей выделенных им ресурсов — будь то природных, хозяйственных, коммуникативных и пр. В этом ряду стоит, вероятно, рассматривать и недавний "добровольно-принудительный" приток новых членов в Союз предпринимателей А.Вольского, который, напомним, вначале объединял исключительно "красных" директоров прежней оборонной промышленности, а потом на время как бы исчез из поля общего внимания. В этом конкретном контексте прокламируемую централизацию власти и укрепление исполнительной вертикали приходится понимать так, что для каждого "участка" общественного поля предполагается утвердить более или менее одного "уполномоченного", подконтрольного властным верхам и так либо иначе зависящего от них или даже исключительно от них. Это, понятно, не партнер власти, это ее слуга.

Стоит лишь подчеркнуть, что данный социальный типаж не образует элиту и не представляет новых фигур. Это вполне узнаваемый персонаж временщика, эффект разложения прежней системы, пытающейся эсле не удержать, то замедлить процессы идущего распада. В отличие от него элита, во-первых, самостоятельна, почему и задает модели, ориентиры поведения, а не получает "указания" сверху и верхам не подыгрывает. Во-вторых, элита воспроизводима, чем и отличается от героев моды и людей случая. Речь не о ее количественном распаде, а о том, что она воспроизводит авторитетные для других образцы собственных действий и оценок.

Описываемый слой "заместителей" (по выражению Андрея Платонова) не мог бы сложиться и укрепиться, если бы прореформаторские фигуры, группы, фракции, как уже говорилось, не были отстранены от власти и легитимных путей к ней. И дело не просто в физическом оттеснении или удалении конкретных людей. Параллельно, что крайне важно, они и связывавшиеся с ними идеи, принципы, символы были еще и переоценены общественным мнением, СМИ, политиками из высших эшелонов власти в резко негативном плане. Так в общественном сознании оформились химерические двойники отсутствовавших в реальности публичных политиков, которые предстали "мафией", закулисными "олигархами", "семьей" и пр. Можно сказать, что чем отчужденнее от политики и экономики, даже от своих избранных "ходовков во власть" становилась масса, тем шире становилась круг

Таблица 7

Как Вы считаете, Россия занимает сейчас в мире то положение, которого она заслуживает?
(в % от числа опрошенных в каждой группе, август 2000 г., N=1574 человека)

1. Занимает то, которое заслуживает.
2. Заслуживает более достойного положения.
3. Не заслуживает и того, которое занимает.
4. Затруднились с ответом.

Социально-профессиональный статус и род занятий	1	2	3	4
В среднем	20	66	8	6
Руководители	23	55	15	7
Специалисты	15	70	11	3
Служащие	19	68	8	5
Квалифицированные рабочие	22	64	10	4
Неквалифицированные рабочие	15	71	13	0
Учащиеся	34	55	1	10
Пенсионеры	17	68	6	9
Домохозяйки	28	59	7	6
Безработные	23	62	7	7

подобных фантазмов (фактически они указывали на дистанцию между человеком и его самостоятельным делом, человеком и подконтрольной властью, выступали "мерой непонятности" окружающего). И это не единичный случай или частная реакция общественного мнения на те или иные фигуры и обстоятельства общественной жизни, а готовность постсоветской массовой культуры определить любую независимую от государственной власти активность и сферу деятельности в исключительно отрицательных категориях (таково, например, отношение к "кооператорам", спекулянтам, торгашам, ликвидировавшим товарный голод в стране, затем — к "демократам" и "реформаторам", разворовавшим страну, продавшимся Западу и т.п.).

Вместе с переоценкой реформаторов, с отказом от соответствующих позитивных ориентиров ("нормальное общество") и систем координат, надежд и моральных поощрений, стимулов начался процесс не просто традиционализации (мифологической идеализации прошлого), но ценностного понижения настоящего, примирение с невозможностью рафинировать и облагородить обыденность, быт, повседневные отношения между людьми (за пределами партикулярных, кровнородственных отношений между ближайшими "своими"). А состояние смысловой дезориентированности уже повлекло за собой усиление пассивной адаптации, снижение запросов и критериев оценки настоящего. Об этом также уже говорилось в нашем журнале. Но отметим еще раз важнейшую черту или предпосылку этого снижения — рутинизацию негативности, массовую установку на то, что "всё плохо" и "все плохи". Причем именно предвзятость и неизбирательность этой установки свидетельствует о ее не эмпирическом, а ценностном характере. Подобный негативизм может относиться и к продуктам потребления, и к явлениям внешнеполитической сферы, и к самоощущениям частного человека. Например, почти две трети опрошенных (64%) уже забыли о сравнительно недавнем тотальном дефиците товаров и продуктов и уверены, что "сегодня в России все чаще приходится сталкиваться с некачественными товарами" (с ними несогласны лишь 22%). Свыше половины респондентов (54%) полагают, что "у России есть основания опасаться стран, входящих в НАТО" (что таких оснований нет, считают лишь 32%). Собственный комплекс неполноценности (смесь завышенных самооценок и дефицит признания со стороны других, неадекватность запросов и самооценок реальному положению дел и уровню достижений) переносится на страну в целом и ее положение в мире, отношения с другими странами. (табл. 7 и 8)

Сами по себе эти негативные установки выражены тем сильнее, чем скромнее социальные ресурсы респондента, т.е. чем меньше у него оснований для индивидуального самоуважения в связи с собственной активностью, с ин-

тенсивностью работы или иных достижений, предполагающих высокий доход, общественное признание и т.п. Данные табл. 9 и 10 отчетливо показывают, как распределено ущемленное и подозрительное сознание в обществе в связи с достатком и имеющимися социальными возможностями. Социальный рессентимент концентрируется в наиболее пассивных и лишенных ресурсов группах. Однако причины такого положения опрошенными воспринимаются как связанные не с собственными характеристиками индивида, а с внешними обстоятельствами. Они отделены от сферы, где могли бы обсуждаться стоящие за ними ценности или оцениваться поставленные цели и употребленные средства, а перенесены в символический даже "мифологический" план — в структуру массовой социальной идентификации.

Можно сказать, что потенциальные возможности институциональных изменений ("реформ") заморожены самой пассивностью человеческого материала, привычкой приспособляться к постоянному давлению влас-

Таблица 8

Положение страны в мире
(в % от числа опрошенных, август 2000 г., N=1574 человека)

- А. Какое место в мире, на Ваш взгляд, занимал в XX в. СССР?
- Б. Какое место в мире, на Ваш взгляд, занимает сейчас Россия?
- В. Какое место в мире, на Ваш взгляд, будет занимать наша страна в XXI в.?

Вариант ответа	А	Б	В
Самая развитая и прогрессивная страна	21	}	7
Одна из 10–20 самых развитых стран в мире	50	10	32
Страна среднего развития	18	26	18
Отсталая страна	6	56	12
Затруднились ответить	4	7	31

Зависимость числа "обманутых" от группы, к которой себя относят опрошенные
(в % от числа опрошенных в группах по оценке своего положения, август 2000 г., N=1574 человека)

К какой из групп населения Вы скорее могли бы себя отнести?	Как Вам кажется, часто ли Вас обманывают?			
	Очень часто	Довольно часто	Довольно редко	Очень редко
Мы едва сводим концы с концами, денег не хватает даже на продукты	32	38	16	7
На продукты денег хватает, но покупка одежды вызывает финансовые затруднения	20	37	30	8
Денег хватает и на продукты, и на одежду, но покупка вещей ДП является для нас проблемой	11	39	35	12
Мы можем без труда приобретать ТДП, однако действительно дорогие вещи (квартира, дача и др.) для нас недоступны	12	25	55	7

Таблица 10

Как Вам кажется, часто ли Вас обманывают?
(в % от числа опрошенных в каждой группе, без затруднившихся с ответом, октябрь 2000 г., N=1600 человек)

Социально-демографическая группа	Очень часто	Довольно часто	Довольно редко	Очень редко	Часто/редко
В среднем	20	37	29	9	1,5
<i>Пол:</i>					
мужчины	18	34	32	10	1,2
женщины	22	40	26	8	1,8
<i>Возраст:</i>					
18-24 года	8	34	42	9	0,8
25-39 лет	20	37	34	6	1,4
40-54 года	17	43	30	9	1,5
55 лет и старше	29	35	18	12	2,1
<i>Образование:</i>					
высшее	11	32	48	9	0,7
среднее	18	42	27	8	1,7
ниже среднего	26	33	24	11	1,7
<i>Типы поселений:</i>					
большие города	16	38	33	10	1,2
малые города	21	37	28	9	1,6
села	24	35	26	9	1,7
<i>Уровень дохода:</i>					
низкий	23	33	32	9	1,4
средний	22	40	25	9	1,8
высокий	18	34	34	7	1,3
<i>Профессионально-должностной статус и род занятий:</i>					
руководители	13	27	42	14	0,7
специалисты	13	45	37	4	1,4
служащие	20	31	41	6	1,1
квалифицированные рабочие	21	38	30	7	1,6
учащиеся	7	41	41	5	1,0
пенсионеры	27	34	19	12	2,0
домохозяйки	20	34	27	18	1,2
безработные	18	51	23	5	2,5

ти, подавлением социального воображения и мотивации, воли к изменению условий своего частного существования.

Проблема усреднения — рабочие. "Драма" российского общества и попыток его реформировать заключается в том, что при всем недовольстве своим положением в массе своей люди не хотят жить иначе, пусть и лучше, но иначе, чем они привыкли до сих пор (табл. 11). В среднем за годы действия программы "Мониторинг" (1993–2001 гг.) материальное положение своей семьи расценивали как "плохое" и "очень плохое" чуть больше 50% опрошенных, эко-

номическое положение страны — 72% (сумма ответов "плохое" и "очень плохое").

В среднем 52% не верили, что в их положении в ближайшем будущем что-нибудь изменится к лучшему. Абсолютное большинство опрошенных соглашались с тем, что "лучше бы все оставалось так, как оно было до 1985 г.", хотя и не верят в то, что вернуться назад практически невозможно.

Причины такого положения дел заключаются в том, что параметры "благополучия" не связаны в сознании постсоветских людей с личной интенсивностью достижений или с результативностью предпринимаемых усилий.

Таблица 11

Если говорить в целом, в какой мере Вас устраивает сейчас жизнь, которую Вы ведете?

(в % от числа опрошенных в каждой группе, без затруднившихся с ответом, N=2400 человек)

Вариант ответа	1995 г.	1997 г.	1999 г.	2001 г.
Вполне устраивает и по большей части устраивает	12	10	8	19
Отчасти устраивает, отчасти нет	30	27	30	38
Большой частью не устраивает и совершенно не устраивает	54	62	61	41

Возможны два варианта объяснений этого обстоятельства: 1) предпринимаемые, весьма значительные усилия в целом недостаточны в данной системе, при данной структуре общества для того, чтобы обеспечить стандарты существования, соответствующие ожидаемому; 2) нормативные представления о том, что положено каждому, связаны не с работой, а с положением индивида в иерархической системе.

Скорее всего, значимы оба фактора (к тому же они — через систему социальной стратификации общества и нормативную оценку соответствующих статусов — сложно соотносены один с другим). Но их функциональная роль или "вес" для разных социальных категорий неодинаковы. О первом — не рационализирована система связей повседневности и государственных институтов — уже говорилось (нет упорядоченных институциональных условий для нормативной гратификации достижения, институциональных гарантий или поддержки личных устремлений, систематического повышения интенсивности личных усилий). Сложнее обстоит дело с пониманием второго фактора: каковы источники и характер установления или введения норм того, что "положено".

Как мы считаем возможным и обоснованным предположить, что система референций для советского и постсоветского обществ в целом задана не высокостатусными группами (элитой или самыми обеспеченными категория-

ми номенклатуры, аристократией — в советское время образ жизни этих или аналогичных им высших категорий в иерархии статусов был практически неизвестен, засекречен и выведен из публичной сферы), а промышленными квалифицированными рабочими, представлявшими собой нормативный социально-антропологический эталон человека. Рабочие в системе координат всего советского и постсоветского обществ играют функциональную роль своеобразного аналога "среднего класса", но с кардинальной поправкой. В современных промышленных или постиндустриальных обществах "средний класс" действительно стал средним и в статистическом смысле, и в идентификационном плане (его благополучие связано не с наследуемым богатством или статусом, а с собственными индивидуальными достижениями, т.е. с характером труда, профессией, обеспечиваемой длительным образованием и собственными усилиями). У нас же речь в данном случае идет о понижающей идентификационной матрице для всех других, в том числе и более образованных или более обеспеченных групп. Мы не затрагиваем здесь вопрос о том, какова природа этой идентификации (каков характер и степень обязательности ее предписаний). Важно, что базу тех или иных социальных представлений образовывали и продолжают образовывать сложные системы соотношения с "рабочим человеком", его запросами, оценками, этикой, кругозором и пр. Все остальное считалось как бы от лукавого — избыточным, сложным, "умным", лишним или, напротив, недостаточным, неполноценным, тупым, "деревней" (если речь шла о более низких группах).

На этот эффект образцовости указывает одно значимое обстоятельство в данных наших опросов. Как правило, средние значения в распределении ответов респондентов чаще всего совпадают как раз с ответами квалифицированных рабочих (см. публикуемые здесь и выше таблицы, где в приводимых распределениях ответов жирным шрифтом выделены средние данные и позиции "квалифицированных рабочих"). Причем совпадения средних величин с ответами рабочих не ограничиваются какими-то отдельными предметами или сферами общественного

Таблица 12

Как Вы полагаете, смогут ли на этот раз правоохранительные органы найти действительных виновников взрывов в Москве?

(в % от числа опрошенных в каждой группе, август 2000 г., N=1574 человека)

Социально-демографические группы	Уверен, смогут	Скорее смогут	Скорее не смогут	Уверен, не смогут	Затрудняюсь ответить
В среднем	5	11	39	40	5
<i>Образование:</i>					
высшее	3	12	36	42	6
среднее	5	9	40	43	3
ниже среднего	7	12	38	36	7
<i>Социально-профессиональный статус и род занятий:</i>					
руководители	7	6	18	64	5
специалисты	3	17	36	35	9
служащие со средним специальным образованием	4	4	42	46	4
служащие без специального образования	2	8	48	39	3
квалифицированные рабочие	7	8	37	46	2
неквалифицированные рабочие	7	13	32	45	3
учащиеся	4	7	52	33	4
пенсионеры	6	12	40	35	7
безработные	10	13	46	30	1
домохозяйки	8	9	38	39	7

Удовлетворены ли Вы своей работой?
(в % от числа опрошенных в каждой группе, июль 2000 г., N=2400 человек)

Вариант ответа	В среднем	Руководители	Специалисты	Служащие	Квалифицированные рабочие	Неквалифицированные рабочие
Вполне удовлетворен	34	38	33	40	33	38
Скорее удовлетворен	31	49	38	30	30	20
Скорее не удовлетворен	17	7	12	18	18	18
Совершенно не удовлетворен	6	—	5	—	6	10
Затрудняюсь ответить	12	6	12	12	13	14

мнения: здесь и такие разные вопросы, как удовлетворенность работой, вероятность поимки преступников-террористов, предпочтения в системе информационного потребления или мнения о положении России в современном мире (табл. 12 и 13).

Разумеется, это наблюдение не может быть подтверждено абсолютно во всех случаях. Оно значимо скорее как тенденция, проявляющаяся примерно в пяти-семи случаях из десяти. В зависимости от ценностного контекста или определенных смещений фокусы "совпадения со средними величинами" могут приходиться и на близкие к рабочим категории (технических служащих без специального образования, пенсионеров, работников торговли и др.), но здесь важны не 100% совпадения, а характер колебаний вокруг ответов респондентов данной группы. Можно было бы полагать, что здесь действует чисто статистический эффект, но "рабочие", тем более квалифицированные рабочие, не составляют самой большой категории опрошенных, а потому не могут подавляющей массой влиять на усреднение ответов (в "Мониторинге" в последние годы они составляют 13-14%; самая многочисленная социально-демографическая когорта — это пенсионеры — 37%).

Было бы совершенно неверным утверждать, что рабочие выступают в роли "элиты", т.е. задают новые образцы, играют роль авторитетного источника мнений, к которому прислушиваются другие группы в обществе. Идентификационная социодрама здесь несколько сложнее. "Средний", "обычный человек", "нормальный мужик", который кроется за общественным мнением в России, на которого, в том числе и по идеологически-популистским причинам, ориентируются другие группы (одни приседают, другие тянутся на цыпочках), совпадает с культурными параметрами "рабочих". Это "рост" российского человека как такового, вмняемые рабочим и обществу нормы потребления, стереотипы запросов, ориентиров, базовые схемы понимания реальности и системы ориентации. Естественно (и для социолога вполне понятно), что все подобные нормативные стандарты вырабатываются, привносятся в массовое сознание специализированными группами, задаются институтами и в той или иной мере добровольно-принудительно принимаются обществом, которое характеризуется жесткой репрессивной системой регуляций, планово-распределительной и милитаризованной экономикой, однопартийной системой, ограничением мобильности, недостижимой трудовой этикой и т.п. Короче говоря, эти представления соответствуют иерархически-бюрократизованному социальному устройству. Можно сказать, что такого рода антропологические модели соответствуют обществу, не вышедшему из фазы первичной индустриализации, не преодоленной в социальном и культурном плане форсированной и милитаризованной модернизации, проводимой жестко организованной бюрократической системой. Они соответствуют такому обществу — и вместе с тем вмняются ему, усваиваются,

укрепляются и поддерживаются им, становятся как бы "естественной", необсуждаемой, безальтернативной нормой, "самой реальностью".

То, что именно промышленные квалифицированные рабочие (тип "государственно зависимого работника", по определению В.Заславского) стали "российским средним классом", вещь совсем не случайная. Рабочие крупных государственных предприятий наиболее близки по уровню образования к средним показателям по стране (среднее специальное образование), социальному положению в системах нерыночного плана — доходам при наличии строго тарифицированной ставки и отсутствии свободного рынка труда, ограничении интенсивности труда и социальной мобильности, соответственно, при строго контролируемых параметрах потребления и его роста (двухкомнатная квартира, шесть соток и летний щитовой домик на садовом участке, в лучшем случае как предел мечтаний или достижений — "Жигули" или "Москвич" и тому подобный полупринудительный ассортимент благополучия в случае соответствующего, одобряемого поведения трезвого, хозяйственного, работающего "мужика"). Фабрика — имплицитная модель социума в советском и постсоветском сознании. Соответственно, отношения внутри нее образуют модель и модуль всех прочих человеческих отношений и связей. Иные стандарты поведения воспринимаются как девиантные или незаконные, таящие в себе угрозу негативных санкций.

Доминирование подобной модели в российском массовом сознании — признак систематической блокировки модернизации, невозможности легитимной дифференциации в соответствии с собственными усилиями, образованием, инициативой, наследством и пр. Такая модель человека сама по себе — один из способов подавления разнообразия и потенциала образования элит. Более того, именно ее значимость создает внутренние неосознанные и нерационализованные напряжения в обществе, феномены социальной зависти, двоемыслия и кривоудушия, неизбежного лицемерия. Хронический негативный фон возникает, как уже не раз говорилось, не из-за катастрофически ухудшающегося материального положения, а из-за отсутствия легитимной и позитивной гратификации в условиях, когда начали резко умножаться представления о стандартах образа жизни, вместе с которыми стали расти представления об их возможном и "допустимом" уровне.

Как видно из данных табл. 14, за несколько лет мониторинговых наблюдений произошли заметные изменения в составе и характеристиках рабочих. Имело место существенное сокращение низкоквалифицированных рабочих (особенно в провинции и селе), общий рост уровня образования рабочих, постарение квалифицированных рабочих, связанное с отсутствием притока молодых из-за непривлекательности профессии и неперспективности подобного социального статуса, т.е. наметились ценностные напряжения и расхождения в системе ориентации, определенный рост, а никак не снижение доходов и т.п.

Таблица 14

Изменения социально-демографических характеристик рабочих
(в % от числа опрошенных в соответствующей группе, по данным объединенного по годам "Мониторинга")

Социально-демографические группы	Квалифицированные рабочие		Неквалифицированные рабочие	
	1994 г.	2000 г.	1994 г.	2000 г.
Численность опрошенных	4189	1253	1051	400
Доля в общей численности опрошенных	24	17	6	6
<i>Пол:</i>				
мужчины	69	72	46	47
женщины	31	28	54	53
<i>Возраст:</i>				
до 24 лет	10	11	15	17
24-39 лет	45	40	32	32
40-55 лет	35	41	34	34
55 лет и старше	10	8	18	16
<i>Образование:</i>				
высшее	3	5	3	4
среднее и специальное	56	62	39	47
неполное	41	33	58	49
<i>Типы поселений:</i>				
Москва и С.-Петербург	7	9	5	8
большие города	25	25	19	31
малые города	42	43	36	27
села	26	23	39	33
<i>Уровень дохода:</i>				
низкий	21	18	31	31
средний	55	49	54	49
высокий	20	24	11	14

Изменения социально-демографических показателей других социально-профессиональных категорий не так существенны, как у рабочих. Но динамика внутри этой категории, в свою очередь, лишь свидетельствует о стабильности ситуации и ее в определенном смысле тупиковости. "Развивающееся общество", идею которого выдвинул Т.Шанин, это не всегда общество в режиме развития. Или словами М.Жванецкого, "ремонт — это не процесс, а состояние".

Людмила ХАХУЛИНА

Динамика отношения к рыночной экономике (анализ молодежных когорт начала и конца 90-х годов)

Постановка проблемы. Отношение населения к переходу России от административной экономики к экономике рыночного типа является объектом исследований ВЦИОМ с начала 90-х годов. Основной интерес в этих исследованиях сосредоточен на изучении того, как изменялась в течении всего десятилетия поддержка населением курса на переход к рыночным отношениям в экономике, насколько укоренились в массовом сознании россиян идеи и ценности, характерные для обществ с рыночной экономикой, в какой мере поддерживало население практические шаги

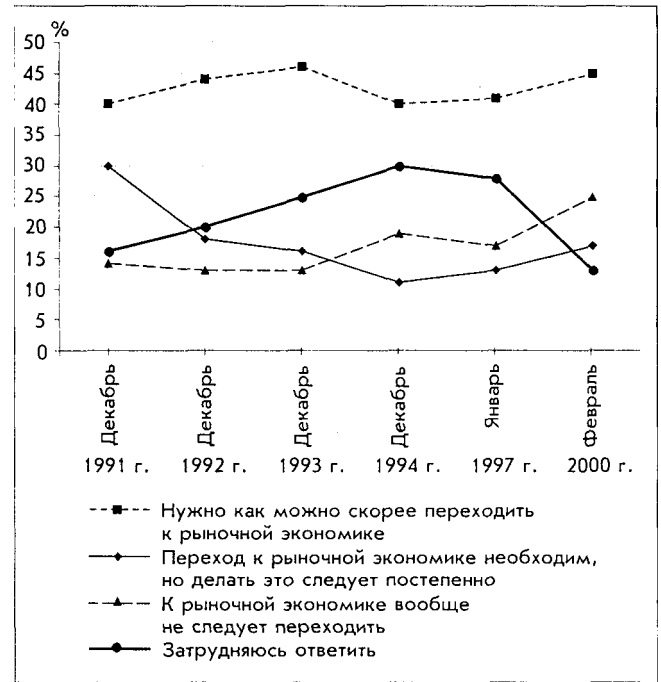

Рис. 1. Существуют различные точки зрения по поводу перехода России к "рыночной" экономике, с какой из трех следующих точек зрения Вы бы скорее согласились?

по формированию рыночной среды (развитие предпринимательства, конкурентной среды, рынка труда, свободного ценообразования, разгосударствления собственности и пр.)

За это десятилетие по этим проблемам были проведены семь репрезентативных для населения России исследований, что позволило получить достаточную базу для сравнений.

Результаты анализа полученных данных были изложены ранее в ряде статей*. По сути, они сводятся к следующему.

Общий курс на переход от административной к рыночной экономике пользовался поддержкой населения в течение всего этого десятилетия, хотя уровень поддержки в разные периоды был неодинаковым.

В 2000 г. доля тех, кто считал, что к рыночной экономике переходить необходимо (постепенно или быстрыми темпами), составила 2/3 опрошенных. Поддержка к концу десятилетия оказалась выше, чем в предыдущие годы, и приблизилась к тому уровню, который был характерен для периода начала реформ (рис. 1).

К концу десятилетия рыночных преобразований одновременно выросла и доля противников рыночной экономики в России, которая оказалась самой высокой за весь период. Причем это увеличение произошло главным образом за счет сокращения доли тех, кто не имел ранее определенного мнения по данному вопросу.

С чем связана устойчивая поддержка общественного мнения перехода к рыночной экономике в России? Распространяется ли эта поддержка на те идеи, которые составляют основу "рыночного мировоззрения"?

* Хяхулина Л., Головачев Б. Пять лет экономических реформ: Изменения в оценках и мнениях населения // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1995. № 2. С. 33-36; Хяхулина Л. Десять лет экономических реформ: Динамика мнений и ориентации // Общественное мнение-2000. М., 2000. С. 43-50.